

ГАСНЕТ яркий свет огромной люстры и многочисленных электрических ламп. Незаметно исчезает занавес. Из густой, глубокой тьмы — будто из дали веков — медленно встают очертания высокого здания. Здесь живет Медея... И вот уже перед нами оживают предания седой древности.

Из рассказа взволнованной кормилицы мы узнаем о горе Медеи — дочери колхидского царя: ради любимого мужа Ясона она бросила родину и родных, а Ясон, разлюбив Медею, теперь женится на дочери коринфского царя. Этот рассказ как бы продолжается в непосредственном сценическом действии. Мы видим, что вероломный Ясон, затеяв новый брак, добивается богатства и сана, хоть и старается оправдать свой поступок разумной заботой о детях. Между тем детей, а вместе с ними и Медею ждут изгнание, чужбина. И с самого начала мы ощущаем тревогу: мнимое счастье Ясона чревато несчастьем — страшным, немислимым.

Медея, страстная, гордая, не может простить мужу измены, примириться с вероломством, оставить безнаказанным оскорбление, нанесенное ее женскому самолюбию и человеческому достоинству. Она задумывает ужасную месть. Но не просто, нелегко осуществить ее. Медею одолевает мучительные сомнения, она переживает безумные страдания. Но возмездие должно свершиться: соперница и отец ее погибли, рукой матери убиты дети, рожденные от брака с неверным. Горе и муки раскаяния ста-

новятся уделом Ясона, потерявшего семью и радость отцовства...

Затаив дыхание, смотрит зритель «Медею» Еврипида, с которой начал свои гастроли в Баку Театр греческой трагедии (Пирей). Спектакль трогает до глубины души. Такие же сильные впечатления уносит зритель и с другого спектакля — «Электры» Софокла, повествующей тоже о горе и мести за незаслуженные унижения и страдания.

Что трогает современника в этих пьесах, отдаленных от наших дней огромным пролетом времени? Они ведь написаны почти две с половиной тысячи лет назад, а события, о которых повествуют, восходят к еще большей старине. Не менее интересным кажется и другой вопрос: чем привлекательно сценическое воплощение, само исполнение артистов Пирейского театра? Почему так приковывают внимание и покоряют нас эти спектакли, идущие к тому же на незнакомом языке?

ПРЕЖДЕ всего (тем более после такого наглядного урока) еще и еще раз следует отдать должное прекрасной, мудрой драматургии, гению великих трагических поэтов Софокла и Еврипида. Правдой, неуязвимой силой жизни дышат эти произведения, несмотря на то, что их сюжетную основу составляла древнегреческая мифология. Персонажи античных трагедий, будь они героями мифологии, титанами или богами, все равно очеловечены, перенесены в реальный мир. Поэты озабочены жизнью своих соотраждан, озадачены судьбами человечества. И поэтические образы воссозданы ими исключительно ради того, чтобы разведать и разъяснить (разумеется, по мере исторической возможности) пути истины и справедливости. В этом смысле наивысшим философским и художественным достижением античной драматургии является образ Прометея, жертвенного борца за человеческое счастье.

Огнем Прометея, идеей человечности светятся многие трагедии античной Греции, в том числе и «Медея» и «Электра», поставленные Пирейским театром. В этих спектаклях бессмертный дух трагедии возстал во всей своей грандиозности. И, безусловно, большую роль в этом сыграло их сценическое решение. «Электра» и «Медея» Пирейского театра вырази-

ОГНЕМ ПРОМЕТЕЯ

НА СПЕКТАКЛЯХ ТЕАТРА ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

тельно поэтичностью формы, привлекательны своеобразием и оригинальностью. Они не пахнут архивной стариной — от них веет ароматом вечной юности античного мира. К ним очень приложимо известное изречение о детстве человеческого общества, запечатленного античным искусством, о непреодолимой прелести его произведений, которые «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца».

В доходчивости гуманистического содержания, в нахождении выразительной формы, адекватной литературному материалу и понятной современному зрителю, серьезная заслуга принадлежит режиссеру Рондирису, хореографу спектакля Лукии и композитору Кидониатису.

Несмотря на все наши исторические и театроведческие сведения, никто не может точно и досконально, со всеми подробностями представить, как выглядели древнегреческие спектакли, какова была природа актерского исполнения, в частности, как ставились хоровые куски — пароды, тасимы, эксоды. Одно бесспорно — это было зрелищем большого идейного и художественного размаха, отличавшееся монументальностью, многогранной центральной формой и богатством выразительных средств. Представления наших гостей далеки, конечно, от тождества древнегреческим. В основу режиссуры Пирейского театра легли не археологические и музейно-реставрационные задачи, а стремление раскрыть современникам во всей ценности сокровища античной литературы.

В увиденных нами спектаклях соседствует и удивительным образом сочетается, казалось, несочетаемое. Тут можно найти очень сильную струю настоящей актерской школы «переживания» и одновременно элементы «представления». Зритель наслаждается и истинной глубиной страстей, правдоподобием глубоких чувствований и блестящей актерской техникой. Тут одинаково умело используются элементы слова и музыки, человеческая речь и настоящий вокал, приемы обычной пластики и самой профессиональной хореографии. У греческих артистов, чаще

у хора, речь незаметно переходит в пение, пластика — в танец. И все это отнюдь не кажется скоплением разного. Все элементы воспринимаются в синтезе, создавая ту трагическую атмосферу, которая властно присутствует в спектакле с начала до конца. Важно и то, что эти разнообразные выразительные средства — не просто обладатель формы. Они направляются на то, чтобы глубже и образнее раскрыть содержание. Все вместе они составляют тот сценический язык, на котором греческие артисты так понятно «говорят» со зрителем.

СПЕКТАКЛИ «Медея» и «Электра» оставляют впечатление лаконично-монументального, идейно насыщенного зрелища. К сожалению, нет возможности подробно говорить обо всех достоинствах и обо всех исполнителях этих прекрасных спектаклей. Но нельзя не сказать без восхищения об Аспасии Папатанассиу, играющей в большинстве спектаклей Электру и Медею, и хоре.

В центре обоих трагедий стоит образ многострадальной женщины, на долю которой выпали тяжчайшие испытания. Но эти женщины горькую участь свою твердо и настойчиво отвергают как незаслуженную и недостойную. Они далеки от покорности, от подчинения силе, инсугу, тирании. Их жизнь — бесконечная вереница мучений. Но она же, одновременно, и беспрестанная борьба против всех небесных и земных законов, против тех, кто топчет их человеческие права. И разумеется, чем грубее попираются эти права, тем неприимчивее и трагичнее становится битва человека со злом.

Создать такой страстный, протестующий, бунтарский образ — полный сложностей и противоречий, под силу только актрисе с настоящим трагическим талантом. Им в полной мере владеет А. Папатанассиу. Она покорила бакинцев огнем души, глубиной переживания и пластической выразительностью, широтой драматической палитры, тончайшими модуляциями разнообразных настроений и чувств, диапазоном и тембром голоса, искусством интонации и безупречной дикции. А. Папатанассиу хорошо чувствует и то обиднее, что есть в Электре и Ме-

дее, их различия. Электра по натуре лиричнее, мягче, добрее Медеи. Она не терпит эти качества даже в порыве ненависти и гнева. В Электре актриса проста, искренна и задушевна. Ей не чужда даже некоторая наивность. В ее чистую, почти детскую душу быстро проникает и глубокая тоска и бесконечная радость. Потрясающей является сцена, когда Электра-Папатанассиу, обнявшая урну с прахом своего брата, в неистощимой тоске оплакивает его.

В образе Медеи преобладают сугубо драматические краски. Тут в сценической жизни образа больше противоречий и контрастов. Если в Электре актриса подчеркивает свою моральную правоту, то в Медее лейтмотивом становится страдание и внутренняя борьба с самой собой. Это борьба с собственными колебаниями наивно труднее, чем борьба с Ясоном. Такой план роли от исполнительницы требует огромной силы. Медея-Папатанассиу решительна и переполнена, одновременно ею равно владеют злоба и любовь. Поэтому мы легко верим тому, что она любила мужа и была преданной женой, нежной матерью (как трепетно ласкает она своих детей!). В этой роли кульминационным является эпизод — монолог, где Медея прощается со своими мальчиками перед тем, как умертвить их.

Актриса далеко не оправдывает тяжчайшее преступление своей героини. Но справедливости ради заставляет нас задумываться над теми обстоятельствами, которые и довели Медею до этой крайности. А задумавшись над этим, нельзя не сочувствовать трагедии этой сильной, честной от природы натуры. Электра и Медея у Папатанассиу — это не внешнее, а внутренне монументальные, цельные, как глыбы, характеры.

ЭТИ ЖЕ особенности отличают и хор, который в свою очередь подчеркивает цельность и монументальность всего спектакля. Идеальная слитность, единство и унисон — вот чем, прежде всего, поражает этот хор двенадцати женщин! Унисон не только голосов, но и речи, и пения, и жестов, и пластики, и танцев, и, что удивительнее всего — унисон чувств и мыслей! Они и действующие лица, и зрители одновременно. Поэтому и зритель, сидящий в партере, сливая свою и их реакцию, как бы ближе становится к сцене.

Сегодня — заключительный гастрольный спектакль Пирейского театра. И когда наступят последние минуты представления, в медленно сгущающейся тьме — будто в глубь веков — исчезнут мрачные очертания дома, где жила Медея... Но с нами останутся образы, вызванные из прошлого волшебной силой искусства. Закжестся яркий свет огромной люстры, многочисленные электрические лампы и долго будут греметь восторженные овации зрителей. Я знаю, так будет: бессмертен огонь, принесенный человечеству Прометеем, бессмертны идеи добра, справедливости, красоты, бессмертно искусство, вдохновленное этими идеями — искусство древней и вечно юной Эллады.

Мехти МАМЕДОВ,
народный артист республики
профессор.

